

Толстова Наталья Николаевна

О ФОРМАЛЬНОЙ СТОРОНЕ УКЛОНЧИВЫХ ОТВЕТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье представлено описание лексико-грамматического оформления уклончивых высказываний, что является важным фактором, инициирующим одну из когнитивных процедур, необходимых для понимания уклонения как косвенного способа трансляции мыслей и намерений. Представляется, что формальный аспект уклончивых ответов должен найти отражение в разработке заданий и упражнений по их идентификации и интерпретации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 202-206. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161(043)

В статье представлено описание лексико-грамматического оформления уклончивых высказываний, что является важным фактором, иницирующим одну из когнитивных процедур, необходимых для понимания уклонения как косвенного способа трансляции мыслей и намерений. Представляется, что формальный аспект уклончивых ответов должен найти отражение в разработке заданий и упражнений по их идентификации и интерпретации.

Ключевые слова и фразы: уклончивый ответ; лексико-грамматическое оформление; русский язык как иностранный; идентификация; интерпретация.

Толстова Наталья Николаевна

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
tolstova.natalia@mail.ru*

О ФОРМАЛЬНОЙ СТОРОНЕ УКЛОНЧИВЫХ ОТВЕТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Не секрет, что в настоящее время в лингвистике наблюдается устойчивый интерес к косвенным способам выражения мыслей и намерений, т.е. иронии, намекам, эвфемизмам, уклонениям, а также к сопровождаемому их в коммуникативном пространстве метасмыслу, т.е. словесно не выраженной, но подразумеваемой информации. Не вызывает сомнений, что умение говорящих выявлять и интерпретировать эту неэксплицированную информацию является существенным условием понимания сказанного.

Тем не менее наблюдения над современным состоянием методики преподавания русского языка как иностранного показывают, что в учебниках и учебных пособиях пока не находится достойного места для обозначенных выше косвенных способов вербализации мыслей, эмоций. В связи с этим полагаем, что одна из задач, стоящих сегодня перед теоретиками и практиками, – методически переосмыслить необходимые для опознания и интерпретации таких способов трансляции знаний когнитивные приемы и разработать соответствующие инструкции и упражнения. На этапе идентификации фигур непрямого общения принимается во внимание, прежде всего, их лексико-грамматическое оформление.

Рассматривая уклончивые ответы, можно сказать, что в их построении преобладают модусные реакции, если опираться на восходящее к Ш. Балли противопоставление объективного и субъективного слоев смысла предложения. Именно в модусе «получает выражение оценка диктумного события под разными углами зрения» [Цит. по: 6, с. 24]. Логические операции в сфере диктума связаны преимущественно с пространственными и временными компонентами иницирующего диалог высказывания. Наиболее распространенный ход коммуниканта, применяющего тактику уклонения, состоит в расширении содержания ответа по сравнению с заданным вопросом, просьбой, требованием. Об этом шаге сигнализируют такие лексические индикаторы неопределенности, как *Может и так; Ну (что-то) вроде того; Успеется; Да как сказать; Слышал(а) недавно; Похоже на то* и др. Например:

– *Мы это к тебе, Ефим, пришли. Дельце есть. ... – Слыхали, что хочешь ты с нашего хутора переходить на жительство в станицу. Верно?*

– *Никуда я не собираюсь переходить. Кто вам это напел? – удивленно спросил Ефим.*

– *Слыхали промеж людей, – уклончиво ответил Влас, – и пришли из этого [20].*

Возникающую информационную «туманность» в подобных случаях могут снять последующие уточняющие вопросы со стороны инициатора разговора. На создание эффекта информационной приблизительности работают и уклончивые реплики, содержащие наречия *временами, когда как, более или менее; местами, отчасти*. Например:

– *И что, в конторе неплохо зарабатываешь? – поинтересовался он сквозь зубы.*

– *Ну, так, более-менее, – уклончиво ответила, улыбаясь, я [14].*

Представленные примеры позволяют сделать вывод о том, что, говоря об уклончивых ответах как косвенном способе трансляции намерений, нельзя обойти стороной категорию неопределенности. По мнению У. Чейфа, суть оппозиции «определенность/неопределенность» заключается в следующем: адресант, выражая значение определенности, рассчитывает на то, что собеседник сможет идентифицировать референт данного языкового выражения с уже имеющимся в сознании некоторым референтом благодаря как общему фонду знаний, так и предшествующей ситуации. В свою очередь, неопределенность, наоборот, демонстрирует, что говорящий не ожидает подобной идентификации со стороны реципиента и только информирует его о принадлежности обозначаемого объекта к тому или иному классу [16; 18].

К лексическим актуализаторам данной категории в русском языке относятся, прежде всего, неопределенные местоимения, которые характеризуются «обобщающей» природой. Несмотря на общее инвариантное значение неопределенности, не следует забывать, что замена одного местоимения другим может сопровождаться появлением дополнительных смысловых оттенков [2, с. 31].

Довольно широко распространены «клишированные» уклончивые ответы, выраженные неопределенным местоимением с аффиксом *кое-* и, конечно же, неопределенным местоименным числительным *один*.

Как известно, местоимение «кое-какой» означает: 1) «точно не определяемый»; 2) «небольшой, незначительный». Важно, что говорящий, используя данное местоименное прилагательное, выделяет объект и при этом не уточняет его, т.е. имеет намерение скрыть его свойства от собеседника, намекнуть на важность. Например:

- *Как ты посмел задержать прибытие шаттла аж на три часа?!*
- *У меня появились кое-какие, не терпящие отлагательств, дела, сэр...*
- *Какие у тебя ещё могли быть дела?! [7].*

В составе уклончивого ответа широко употребляется слово «один». Значение неопределенности, передаваемое данным словом, базируется на том, что оно характеризует существительное как новое для собеседника, как название предмета (в широком смысле), по каким-то неизвестным для адресата критериям выделяемого из ряда однородных. Прокомментируем следующий пример:

- *Что-нибудь случилось? – насторожилась Елена Викторовна.*
- *Просят приехать в один город и кое-что выяснить...*
- *Так это не по работе? <...>*
- *И да, и нет, – уклончиво ответил Сергей [1].*

Как мы видим, первый уклончивый ответ представлен неопределенно-личным предложением «Просят...». Б. М. Гаспаров предлагает такие предложения называть отстраненно-личными, поскольку формой третьего лица создается «эффект отстранения» сообщаемого от участников диалога [3, с. 15]. Кроме того, форма множественного числа глагола, лишая субъект «расчлененного индивидуализированного впечатления», позволяет в качестве деятелей рассматривать неопределенное множество людей [Там же, с. 16-17]. Далее, в уклончивую реплику входит описанное выше слово «один» и неопределенное местоимение «кое-что», которое употребляется, если говорящему известно, о чем идет речь, но сознательно скрывается им от партнера по коммуникации. Несмотря на сознательное вуалирование информации, собеседник догадывается, что поездка напрямую не связана с работой. Второй уклончивый ответ коммуниканта также создает эффект неопределенности, расплывчатости посредством использования антонимической конструкции с противоречащими союзами «и да, и нет».

С зоной информационной приблизительности и неопределенности переплетается модальность предположительности и возможности, индикаторами которой являются такие слова, как *возможно; не исключено; может быть; допустим; посмотрим* и др. Например:

- *А что, ты хотел бы присоединиться? <...>*
- *Возможно, – уклончиво ответил я. Врать не хотелось, а планы мои все еще были в стадии разработки...*
- *Думаю, дня через два-три мы покинем Вирд... Ну так что? Поедешь с нами?*
- *Если успею к этому моменту решить все свои дела здесь, – все так же уклончиво ответил я.*
- *Что ж, дело твое... Если надумаешь – сообщи [11].*

Заметим, что в случае перевода говорящим ожидаемой реальной, конкретной информативности в область субъективных смыслов может проявляться недовольство со стороны речевого партнера:

- «Авто-хим-торг»... Тебе это о чем-нибудь говорит?
- Говорит.
- Твоя фирма?
- *Ну... – Я шмыгнул носом. – Допустим...*

Государев слуга поморщился.

– *Слушай, Андрей. Давай быстро закончим и разбежимся. У меня дел куча. На пять вопросов ответишь и уйдешь. «Допустим», «не допустим» – перестань, ладно?*

- Понял.
- Это твоя организация или не твоя?
- *Сложный вопрос.*
- Что ж тут сложного? – *раздраженно* спросил Михаил Николаевич.

– Послушай, мне до твоей фирмы дела нет. Чем она занимается, как, куда и сколько – плевать. Ты имеешь к ней отношение?

В казенных кабинетах моя голова соображает быстрее, чем обычно, и мне удалось сформулировать правдиво, но и обтекаемо:

- *Я ее создал [13].*

Уклончивость коммуниканта может быть мотивирована его желанием отдалить, отсрочить разговор: *Давай не сейчас; Потом как-нибудь (поговорим, расскажу, обсудим...); Давай в другой раз; Там видно будет* и др. Однако не исключается, что подобный отложенный ответ продиктован вполне объективными причинами. Например:

- Знаешь, вполне возможно, деньги у нас с тобой будут, – осторожно сказала она.
- Федор, уже поднявшийся, чтобы идти варить кофе, остановился у самой двери ванной и обернулся.
- Я не понял... И откуда же они возьмутся?
- *Я тебе потом расскажу, не сейчас, – уклончиво* ответила Юлия. – Ты же кофе шел варить? Вот и иди...
- Юльчик, не темни. Что за деньги? Откуда?
- Феденька, *все потом, потом* [8].

Нередко, придерживаясь тактики уклонения, говорящий переводит разговор в эмоционально-оценочную сферу, т.е. вместо прямого ответа предлагает собеседнику оценку запрашиваемой информации. Так, имеет место уклонение через апелляцию к фактору сложности: *Трудно сказать; Спроси о чем-нибудь полегче; Это сложный/трудный вопрос* и т.п. Например:

- А что говорят в прокуратуре по поводу исчезновения Вячеслава Николаевича?
- Уверяют, что сделали все возможное со своей стороны, чтобы найти Славу...
- Вы им верите? – прямо спросила я.
- *Это сложный вопрос*, – уклончиво ответила Галина Семеновна [15].

Или, наоборот, при уходе от ответа преследуется цель убедить собеседника в ненужности, несостоятельности поставленного вопроса, запрашиваемой информации: *Да так, не важно; Не стоит внимания; Это все пустяки/ерунда/вздор; Не обращай внимания; Не бери в голову; Долгая/длинная история*. В качестве иллюстрации обратимся к следующему эпизоду:

- Марин, а с тобой точно всё в порядке? – спросила чуть погодя Лиза.

Она с большим трудом подавила в себе чувства ярости и гнева. Девушка просто ненавидела, когда её ругают, обвиняют, поучают или делают что-нибудь подобное. В этот раз Лиза не стала закатывать ответный скандал, наверное, только потому, что на каком-то подсознательном уровне чувствовала, что с Мариной творится что-то не то.

- *Да так... Пустяки...* – уклончиво ответила Марина и быстро перевела тему, – *а куда вас везти то* [5]?

В данном примере сигналом неопределенности, «ширмой», помогающей уйти от ответа, является маркер «да так». Бесспорно, так называемые дискурсивные маркеры заслуживают особого внимания, особенно при работе с иностранными учащимися. Подобные частицы, согласно справедливому замечанию А. Вежицкой, будучи вездесущими, играют немаловажную роль в процессе осуществляемого коммуникантами речевого взаимодействия, поскольку они выражают отношение говорящего к собеседнику или к ситуации, его намерения, предположения или эмоции. Если изучающие язык не освоили значения частиц и контексты их использования, то коммуникативная компетенция пользователей языка, как отмечает исследователь, значительно ухудшается [21, р. 341]. Сказанное свидетельствует о необходимости создания практически отсутствующих в современных учебниках по русскому языку как иностранному упражнений, направленных на понимание дискурсивных слов, в том числе включенных в уклончивые высказывания.

Уклончивый ответ может сопровождаться критикой, упреком в адрес спрашивающего. Прежде всего, стоит обратить внимание на фразеосхему «Что за + N₁?!», обладающую, в частности, таким значением, как «негативная оценка предмета речи, неодобрение, порицание, возмущение» [10, с. 179]. Более того, она неразрывно связана с определенными интонациями, а в письменной речи, конечно, с контекстом [19, с. 64]. Например:

- Да к чему ж ты не хочешь сказать?
- *Да что же тебе за прибыль знать? ну, просто так, пришла фантазия* [4, с. 81].

Говорящий вправе уклониться от ответа за счет имплицитного отказа, содержащего также упрек, порицание в адрес собеседника, проявляющего чрезмерный интерес, излишнее любопытство к делам, его не касающимся. Как правило, в качестве таких реплик используются устойчивые конструкции, градация резкости которых различна: *Зачем тебе (это) знать?; Не твоё/ваше дело; Тебя/вас это не касается; Не лезь / не суйся не в свое дело*. Например:

- Кто ты такой? – спросил армянин ломаным русским языком, пристально рассматривая молодого человека.
- *А зачем тебе знать?* – уклончиво ответил тот, опускаясь против него в тени у водоема и с угрюмой жадностью изголодавшегося человека поглядывая исподлобья на сыр, хлеб и вино, лежавшие перед армянином [17].

Прокомментируем следующий эпизод речевого общения:

Обстоятельства речевого общения. Борис обращается к Косте, своему коллеге, с просьбой починить часы.

Костя. <...> Есть два билета на футбол «Спартак» – «Динамо».

Борис. Поедем. Только сначала почини часы. (Достаёт Наташины часы.)

Костя (взяв часы). Давненько я этой халтурой не занимался. Чьи?

Борис. *Просил починить один старичок... знакомый.*

Костя. Занятный старичок – дамские часики носит...

Борис. Это его жены.

Костя. Ты хоть бы у меня врать поучился. Наташа, фамилия Павлова, студентка, нынче на третий курс перешла.

Борис (потрясен). Ты знаком с ней?

Костя. В глаза не видел.

Борис. Откуда же знаешь? ...

Костя. Чудак человек! На крышке выгравировано... Где познакомились?

Борис. *Не твоё дело!* [12, с. 281].

Комментарий. Костя интересуется, кому принадлежат часы. Борис, предполагая, что начнутся расспросы, решает солгать, уклонившись от ответа: «Просил починить один старичок... знакомый». Костя по надписи на часах понимает, что собеседник скрывает правду, и в шуточной форме намекает об этом («Занятный старичок – дамские часики носит...»). Борис и на это замечание собеседника находит отговорку («Это его жены»). В свою очередь, Костя прямо говорит другу, что тот не умеет врать. Услышав имя девушки, Борис начинает

думать, что коллега знает ее, однако Костя «выдает тайну» – гравировку на часах. Из любопытства он пытается выяснить у друга, где он познакомился с Наташей. Борис же, не желая обсуждать свою личную жизнь и, в частности, отношение к этой девушке, а также будучи уязвленным, задетым тем, что его «раскусили», уходит от ответа, намекая собеседнику на то, что стоит сменить тему разговора. В данном эпизоде представлен жесткий вариант стратегии противостояния. Можно предположить следующее развитие сюжета:

- К1 (Костя) может упрекнуть К2 (Бориса) в нежелании отвечать (например, «Ну вот что ты сразу так... Я ведь просто спросил»). Маловероятно, что подобный шаг приведет к конфликту.

- К1 может продолжить задавать вопросы, тем самым пытаясь «разговорить» К2, вызвать его на откровенность. Однако К2, в свою очередь, может по-прежнему следовать «оборонительной» тактике:

Костя. Надежда есть?

Борис. Хочешь по переносице?

Костя. Хорошенькая?

Борис (вспыхнув). Отстань!

Костя. Да я так просто, для справки.

Борис (зло). Не смей говорить об этом с идиотской улыбкой [18, с. 281].

Итак, сказанное выше подводит к выводу, что основу уклончивых ответов составляет их семантическая неопределенность, часто связанная с модальностью предположительности, возможности. Кроме этого, имеет место переключение внимания собеседника на эмоциональный аспект содержания поставленного вопроса, его оценку [9]. Исходя из описанного выше формального аспекта уклончивых высказываний, в самом первом приближении мы можем выделить такие их лексико-грамматические компоненты, как частицы с неопределенным значением (*-то, -нибудь, кое-*); местоименное слово *один*; наречия (*местами, временами, отчасти*); дискурсивные маркеры (*так, да так*); модальные экспликативы (*возможно; может быть; скорее всего*); императив с отрицанием (*лучше не спрашивай; не обращай внимания; не бери в голову; не лезь не в свое дело*); антонимические конструкции с повторяющимися союзами (*и да и нет; то ли будет, то ли не будет* и т.п.); устойчивые конструкции и фразеосхемы (*Там видно будет; Поживем – увидим; Что за допросы/ответ...?!; Зачем тебе знать?* и др.). Заметим, что перечисленные лексико-грамматические структуры имеют отношение, прежде всего, к так называемым «клишированным» уклончивым ответам.

Фокусирование внимания иностранных учащихся на формальную сторону уклонений является первым шагом к их пониманию. Для полного опознания уклончивости, представленной в особенности свободно конструируемыми высказываниями, и последующей ее интерпретации, бесспорно, требуется более широкий контекст, который предполагает, в частности, и понимание истории отношений между говорящими, и учет их намерений.

Список литературы

1. Байкалов А. Ю. Запрещенный прием [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/293800/slug/zapreshhennyj-priem-1> (дата обращения: 01.03.2016).
2. Беглярова А. Л. Понятие неопределенности в переводе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2008. Вып. 10. С. 31-33.
3. Гаспаров Б. М. Неопределенно-субъектные предложения в современном русском языке // Ученые записки Тартуского университета. 1971. Вып. 275. С. 3-58.
4. Гоголь Н. В. Мёртвые души: поэма. М.: Просвещение, 1982. 256 с.
5. Гурина С. Ф. Катя и Лиза [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/g/gurina_s_m/katya_i_liza.shtml (дата обращения: 01.03.2016).
6. Колосова Т. А., Черемисина М. И. О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск, 1986. С. 10-32.
7. Кумин В. Мятёжник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/381805/slug/myatezhnik-2> (дата обращения: 01.03.2016).
8. Маринина А. Бой тигров в долине. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/346280-boj-tigrov-v-doline-tom-1.html> (дата обращения: 01.03.2016).
9. Матвеева Т. В. Уклончивый ответ // Речевое общение: спец. вестник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сиб. фед. ун-та, 2011. Вып. 12 (20). С. 51-61.
10. Меликян В. Ю. Современный русский язык: синтаксическая фразеология: учеб. пособие. Изд-е 2-е, стер. М.: Флинта, 2014. 232 с.
11. Николаева М. Хаос дорог [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/n/nikolaewa_m_s/ad-1-1.shtml (дата обращения: 01.03.2016).
12. Розов В. С. Вечно живые: пьесы. М.: Эксмо, 2008. 640 с.
13. Рубанов А. Йод [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/221218-jod.html> (дата обращения: 01.03.2016).
14. Серова М. Цена случайной ночи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/111926/slug/cena-sluchajnoj-nochi> (дата обращения: 01.03.2016).
15. Серова М. Это только цветочки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/111930/slug/ehto-tolko-cvetochki> (дата обращения: 01.03.2016).
16. Толстова Н. Н. Модель составления упражнений по идентификации и интерпретации метасмысла уклончивых ответов на занятиях по русскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 2. Ч. 2. С. 199-203.
17. Тютчев Ф. Ф. Беглец [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/tjutchew_f_f/text_0030.shtml (дата обращения: 01.03.2016).

18. **Чейф У.** Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. II. С. 277-317.
19. **Шмелев Д. Н.** Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 6. С. 63-75.
20. **Шолохов М. А.** Смертный враг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/00996451203174900207/> (дата обращения: 01.03.2016).
21. **Wierzbicka A.** Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. The Hague: Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.

ON THE FORMAL ASPECT OF EVASIVE ANSWERS IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN ONE

Tolstova Natal'ya Nikolaevna

*Financial University under the Government of the Russian Federation
tolstova.natalia@mail.ru*

The article gives the description of lexical and grammatical presentation of evasive statements, which is a significant factor, initiating one of the cognitive procedures, necessary for understanding the evasion as indirect means of thoughts and intentions translation. It is thought that the formal aspect of evasive answers should find reflection in the development of tasks and exercises in their identification and interpretation.

Key words and phrases: evasive answer; lexical and grammatical presentation; the Russian language as a foreign one; identification; interpretation.

УДК 796:378

В статье, используя методы устного и письменного опроса, авторы обосновывают актуальность внедрения паспорта здоровья студентов в ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Г. И. Носова» в целях преобразования процесса физического воспитания в процесс самовоспитания и самосовершенствования. Результатом внедрения паспорта здоровья студентов является самоопределение относительно ценностей физической культуры, мотивов учебной деятельности по физической культуре, обеспечивающее компетентность в этой сфере, деятельностьную активность и самостоятельность в ходе добывания знаний о самом себе.

Ключевые слова и фразы: актуальное внедрение; паспорт здоровья; студент; мотивы учебной деятельности по физической культуре; внутренние и внешние мотивы.

Усцелмова Наталья Александровна

Козлов Роман Алексеевич, к. пед. н., доцент

Неретин Валерий Федорович, к. пед. н.

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
ustseleмова.natalya@mail.ru; kaffv@mail.ru; shkolaneretina@yandex.ru*

ВНЕДРЕНИЕ ПАСПОРТА ЗДОРОВЬЯ В ПРОЦЕСС ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ФГБОУ ВПО «МГТУ ИМ. Г. И. НОСОВА»

Необходимость разработки и внедрения паспорта здоровья в процесс физического воспитания обучающихся всех уровней, и в том числе студентов вузов, обусловлена рядом государственных документов, в которых декларируется требование всесторонне использовать возможности физической культуры и спорта для решения задач укрепления здоровья как одного из важных факторов гармоничного и всестороннего развития личности. Это, прежде всего, Указ Президента Российской Федерации от 24 марта 2014 года № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)», введенный в действие с 1 сентября 2014 года; во-вторых, Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. (гл. 3, ст. 28, п. 7). Одним из средств, обеспечивающих выполнение данного требования, может стать, на наш взгляд, паспорт здоровья, на основании которого возможно проведение ежегодного мониторинга физического развития и физической подготовленности обучающихся во всех образовательных организациях страны [2; 4; 5; 6; 7].

В настоящее время в системе образования для решения поставленных правительством задач повышения уровня физической подготовленности обучающихся, увеличения числа граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, создаются все условия для сохранения и укрепления здоровья обучающихся, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья, формирования у них установки на здоровый образ жизни. Эффективность этого процесса, как показывают результаты нашего исследования, зависит от осознания самими обучающимися потребности в систематических занятиях физической культурой и спортом, физическом самосовершенствовании, что становится возможным в результате преобразования процесса физического воспитания в процесс самовоспитания и самосовершенствования и ориентации его на формирование